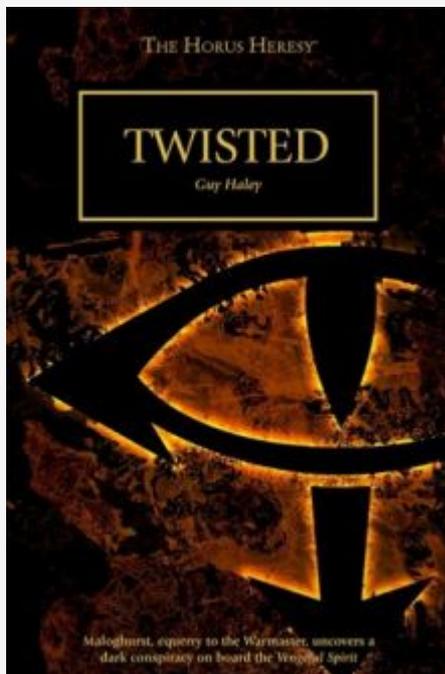

Кривой / Twisted (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Кривой / Twisted (рассказ)

Автор	Гай Хейли / Guy Haley
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Клинки предателя / Blades of Traitor Нет войне конца / War Without End
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Сюжетные связи

Предыдущая книга [Мстительный Дух / Vengeful Spirit](#)

«Мстительный дух» изменился, как и сам Гор, но утомительные премудрости управления боевым флотом остались прежними. Война есть война, и неважно, ведется она по распоряжению Совета Терры или по воле завывающих богов. В конечном итоге, всё всегда упирается в числа.

Пятьдесят восьмым просителем на сегодня оказался невысокий логистик, в основном состоявший из страха и жира. Постоянно моргая, он бормотал о своем деле, каждую секунду – если не чаще – бросая взгляд на пару юстаэринских терминаторов, стоявших с обеих сторон базальтового трона в центре Двора Луперкаля.

Престол пустовал – он принадлежал примарху, и никто иной не мог взойти на него.

Гор не принимал просителей, у магистра войны не было времени на мелкие заботы.

Малогарст, его советник, вершил правосудие именем повелителя, сидя на стуле у подножия трона – и, если бы не величественный вид самого легионера, он мог бы показаться смешным. Престол предназначался полубогу, высоко было его подножие, а зал вокруг него – головокружительно высок и пышно изукрашен. Ветерок из вентиляционных отверстий шевелил знамена с именами славных побед, звезды безжалостно взирали из пустоты через бронестекло иллюминаторов, а голубоватые тени ревниво стерегли статуи и оружие, укрепленное на стенах.

Гора здесь не было, но зал пропитался сутью магистра войны.

В сравнении с господином Малогарст выглядел незначительным. Хуже того, он был далеко не самым безупречным из сыновей Гора, с вечно сгорбленной спиной и посохом, всегда остающимся на расстоянии руки – падший ангел, недостатки которого ещё резче выделялись в тени повелителя.

Но, пусть хребет воина был сломан, его интеллект уцелел. Имя Малогарста, обладателя искривленного тела и разума, стало синонимом страха.

Наконец, жирдяй перестал шлепать губами.

— Через три дня мы должны начать атаку на Ламрис, — произнес советник, — и ты решил отвлечь меня подобной мелочью? *Сейчас?*

Респиратор превращал его голос в рык – Малогарст с некоторых пор почти не снимал броню и дыхательную маску. Доспех стал костылями воина.

Но логистик всё равно побледнел от ужаса.

— Простите, мой господин, но составление точного расписания заправок до атаки – крайне важный момент. График необходимо разработать до того, как мы пройдем срединную линию системы. Я не могу выполнять свою работу, когда...

Малогарст оборвал смертного, с силой ударив посохом о мраморный пол. Отражаясь от стен, по залу разнеслись многократные отзвуки громкого треска.

— Мы все несем свою ношу. И что же, ты решил, что твое бремя тяжелее, чем у магистра войны?

— Нет, мой господин!

— Это – Двор Луперкаля, — легионер указал на широкую арку. — Дальше находятся дворцовые покои магистра войны, а я – его советник. Здесь ты стоишь в одном шаге от уха самого Владыки Гора, поэтому

тщательно обдумывай то, что собираешься произнести в него.

— Мой господин, простите меня. Я буду стараться пуше прежнего и прошу только о небольшой помощи,
— жирный человек сглотнул, уже не отводя глаз от юстаэринцев.

Малогарст обхватил череп, служивший навершием посоха.

— Не смотри на них. Я и сам могу убить тебя без труда.

Опершись на длинную, тонкую эбеновую трость, советник тяжело поднялся и, прихрамывая, подошел к логистику. Жирдяй рухнул на четвереньки, но Малогарст, нагнувшись к полу, схватил смертного за клочок волос и аугментических интерфейсных кабелей. Затем легионер рывком вздернул адепта в воздух – постчеловеческие мускулы легко справлялись с тяжестью, но кости Кривого стонали от нагрузки. Логистик хватал воздух, открывая и закрывая влажный рот, изо всех сил пытаясь не закричать. По щекам смертного из-под плотно сжатых век катились слёзы.

— Что сделал бы магистр войны, — спросил Малогарст, глядя прямо в лицо человеку, — окажись он в столь затруднительном положении?

От жирдяя воняло тухлятиной, омерзительной смесью кислого пота и отчаяния. Советник уже не ожидал услышать хоть что-то – похоже, логистик боялся, что неверный ответ будет стоить ему жизни.

И правильно делал.

Однако же, смертный оказался умнее, чем представлялось с виду.

— Магистр войны в любой ситуации нашел бы способ достичь желаемого результата, — прохрипел он.

Малогарст оценил спокойствие человека пред лицом смерти, и это спасло жизнь логистика даже в большей степени, чем его ответ.

— Именно! И неважно, идет речь о свержении лживого Императора или доставке необходимых припасов четырем маловажным эскадрам крейсеров! — легионер выпустил жирдяя. — Убирайся, и впредь выполняй свой долг без жалоб. Если увижу тебя снова, — вырву сердце своими руками.

Отвернувшись, Малогарст направился обратно к стулу возле трона, и с каждым шагом в позвоночнике, сросшемся с тазом, раздражающе вспыхивала боль. Сжав зубы, советник вновь занял свое место.

Боль была одной из постоянных, последнее время присутствующих в жизни Малогарста. Второй неизменной величиной стала ответственность.

А совсем недавно он понял, что возникла и третья.

Незащищенность.

С каждым уходящим днем советник становился всё уязвимее. Его всегда уважали, но никогда особо не любили, а сейчас в легионе царили дикие нравы. Давно подавляемые старые обычаи вновь всплывали на поверхность – жестокий лик Хтони выступал из-под видимой цивилизованности, навязанной Императором. Война заставила сбросить маски, соперничество среди космодесантников стало более явным и жестоким.

Близость Малогарста к магистру войны вызывала зависть, а «умствования» Кривого в сообществе воинов порождали только насмешки.

Итак, с одной стороны, советник отдалялся от своих братьев. Невеликое дело, если бы в то же время не рос разрыв между ним и Гором - конечно, ни один человек или постчеловек не мог и надеяться близко сойтись с примархом, но двести лет дружбы хотя бы перекинули мостик через гигантскую, фундаментальную пропасть различий.

Но с недавних пор магистр войны слишком вознесся над заботами смертных - особенно после Молеха.

Никто не рискнул бы оспорить авторитет Гора, но многие осмеливались бросать вызов Малогарсту в борьбе за расположение примарха и шанс повлиять на его решения. Кривой ощущал растущее чувство незащитности, неведомое прежде - теперь он стал целью.

Но опасность не помешает воину исполнять долг.

— Следующий, — тяжело вздохнув, произнес Малогарст.

Прием шел без пышных церемоний и называния имен просителей - очередного смертного, дождавшегося своей очереди, просто вызывали из вестибюля.

Появился Ракшель, посланник давинцев, разместившийся на борту «Мстительного духа». Мягко ступая по проходу, ведущему к трону, он остановился в десяти метрах от Кривого и низко поклонился.

Малогарст смотрел на посланника без приязни - звезда давинцев давно закатилась.

Затем советник заговорил, не дав получеловеку начать привычно долгую и раболепную литанию восхваления.

— Я сохраню нам немного времени, Ракшель. Если ты собираешься просить о том же, что и в прошлые четыре раза, то ответ прежний: «нет».

Давинец изобразил понимание, что придало комическое выражение его широкому мохнатому лицу. Когда-то Малогарст с презрением смотрел на дикарей-вырожденцев, но с того момента, как Гор объявил о независимости от Императора, легионеру довелось увидеть куда худшие отклонения; к тому же, Кривой узнал, что за уродливой маской часто скрывается мощь.

Теперь советник презирал давинцев в основном за их слабость. Трусливые и коварные, дикари постоянно шептали в уши сильнейшим и всюду искали выгоду для себя. В Эребе они явно нашли родственную душу.

— Этого стоило ожидать, — проглатывая звуки, ответил Ракшель. — Я обязан вновь передать вам, что жречество скорбит, чувствуя себя отвергнутым.

— Твои люди наставляли мерзавца Эреба, — холодно ответил Малогарст. — Радуйся, что ты ещё жив.

— Мы исцелили магистра войны и наставили его на путь, скрытый от вас ложным Императором. Не пренебрегай нами - ты должен признать, какое значение я придаю своему предложению, если всё равно явился сюда, даже предвидя вероятный отказ. Существуют силы, известные нам, знание о которых мы передали Эребу. Давинцы могут поделиться им и с магистром войны, ведь мы обладаем серьезным влиянием на владык творения.

Ответ легионера оказался кратким.

— Силы? Влияние? — Малогарст презрительно усмехнулся. — Магистр войны неизмеримо выше вашего

жалкого колдовства.

— Да, силы. Да, влияние. Порой силы бывают пагубными. Порой влияние может использоваться во вред. Варп танцует в тревожном возбуждении, и могучие создания делают свои ходы.

— Нет никого могущественнее, чем великий Луперкаль.

— Неважно, насколько ты силен, всегда найдется кто-то сильнее, — возразил посланник. — Позволь оградить нашего повелителя от могучих врагов, позволь нам предстать перед Гором. Ни ты, ни я не пожалеем об этом.

Советник наклонился вперед, обвивая пальцами рук навершие посоха.

— Это угроза, Ракшель? Слишком много группировок вне легиона плетут интриги, стараясь обратить на себя внимание примарха. Не раздражай магистра войны, не становись проблемой для меня. Просто уходи.

Давинец склонил голову, повинувшись без возражений.

— Вы исполняете свой долг, как это делаю и я. Сожалею, что мы оказались в тупике.

— Иди.

Снова поклонившись, посланник удалился.

— Затворите двери, — повелел Малогарст юстаэринцам, — на сегодня хватит. И скажите остальным, чтобы они тщательно обдумали прошения перед тем, как вновь придти завтра. Возможно, несколько казней научат смертных держать их жалкие проблемы при себе.

— Да, мой господин, — проворчал терминатор, не скрывая презрения. Пусть Кривой и обладал могуществом, но не того рода, что признавали бойцы Фалька Кибре.

Советник больше не мог сражаться, а новое поколение рекрутов легиона даже не помнило, когда Малогарст в последний раз шел в битву. Сыны Гора едва ли уважали политиков, и лишь немногим лучше относились к командирам, неспособным выйти на поле боя.

Кривой направился к дверям, ведущим на командную палубу, избегая встречаться с просителями в вестибюле. За исключением светлого участка возле стула, зал озаряло только сияние звезд. Очищенный от влияния Эреба, он выглядел более цельным, более подходящим по статусу такому лидеру, как Гор.

Но впечатление оказывалось обманчивым - в тенях «*Мстительного духа*» творились тайные дела. Душа этого места была какой угодно, но только не чистой. В тихих уголках звучали худшие шёпоты, скрывавшиеся там со времен Давина. Сперва незаметные, теперь они наводнили весь корабль, и недавно Малогарст услышал тихое бормотание даже в личных покоях магистра войны.

Несмотря на расширяющиеся знания о первобытных тайнах, советник торопился преодолеть зал Двора, нетерпеливо ожидая, когда в распахнувшиеся двери ворвется гвалт голосов с капитанского мостика.

Малогарст... Кривой...

Не удержавшись, легионер оглянулся через плечо. Конечно, он ничего не увидел, но вполне определенно что-то почувствовал. Ощущение, сжавшее сердца космодесантника.

Не страх – никогда! – но беспокойство, это уж точно.

Советник пробормотал заклинание, испытанное у одного умирающего колдуна, после чего ощущение чуждого присутствия немного ослабло.

Свет и шум окончательно развеяли шёпоты – войдя на мостик, Малогарст с радостью зашагал среди старших членов экипажа. Мерный стук увенчанного черепом посоха возвещал о его прибытии, равно заставляя офицеров, трэллов и легионеров вставать, когда советник проходил мимо их постов. Он приветствовал треск вокс-переговоров, бесконечную череду докладов и неразумное гудение сервиторов. Человеческие тела согревали помещение, в нём пахло людьми, потом и мылом; от машин струились теплые, пыльные потоки воздуха. Машинный разум корабля по-прежнему принадлежал обыденной реальности, пусть этого и нельзя было сказать о его душе.

Малогарст...

Он сжал зубы под дыхательной маской – голос, начавший являться легионеру шесть недель назад, всегда звучал прямо за левым плечом.

Советник придал лицу застывшее, надменное выражение. Никто не должен видеть, что он обеспокоен, любое проявление слабости может оказаться смертным приговором.

Тем не менее, Малогарст зашагал быстрее.

На следующий день, выйдя из своих покоев в командных шпильях, Кривой пошел по проспекту Славы и Скорби. Следом топал юстаэринец-телохранитель, возвышавшийся над стаей поспевавших за ними сервов. Мимо проносились коридорные поезда, перевозившие персонал из конца в конец огромного корабля. На проспекте мало отразились изменения, принесенные войной, кругом, как и прежде, царила суматошная и торопливая эффективность.

Расстояние между шпильями и дверью, к которой направлялся Малогарст, было невелико, но ходьба быстро утомила легионера, смещенные кости принялись тереться одна о другую. Советник запер боль в гримасе под респиратором, не позволяя ей отразиться в глазах.

Большинство встречных спешили убраться с дороги, будь то космодесантники или трэллы. Из-за своего болезненного состояния Кривой медленно продвигался по грандиозному проспекту *«Мстительного духа»*, но делал он это беспрепятственно.

Малогарста грызло раздражение, вызванное утомлением от ежедневных дел по управлению флотом. Легионер жаждал новой битвы – Гор всё чаще предпочитал руководить боевыми действиями с передовой, оставляя Кривого командовать флагманом. Увы, но сражения всегда выходили огорчительно короткими: неделя-другая, и очередной мир сгорал.

«Нет, — упрекнул себя советник, — это высокая честь».

Кому ещё мог довериться магистр войны? В рядах прежней 63-й Экспедиции ещё не выявили всех сочувствующих Империи, и Малогарст, проницательнее которого не было во флоте, занимался поиском нелояльных лиц – никто иной, окажись он на месте Кривого, не справился бы с задачей. Теперь легионер оценивающе смотрел на всех, кто проходил мимо: немногие храбрецы решались взглянуть ему в глаза, большинство поскорее бежали дальше, поглощённые своими делами. Совсем малая часть не

испытывала такого страха – старшие офицеры корабля и братья-легионеры приветствовали советника с различными степенями энтузиазма.

Братья – как мало сейчас значило это слово для Малогарста. Он остался в одиночестве, если не считать Гора.

Возможно, так даже лучше. Одиноким хищник, всё время следящий за своим окружением, делает меньше ошибок.

Советник вновь услышал шёпоты сквозь шумную суматоху проспекта. Их источниками служили психическое переполнение, отпечатки душ мертвых и преданных, и, всё чаще, медовые посулы обитателей варпа. Их бесконечные искушения ужасали чернорабочих и сервов, у которых явно приугас религиозный пыл в отношении нового кредо. Если же смертный, поддавшись нашептанным соблазнам, обращался против своих товарищей, голоса обязательно заливались ехидным смехом.

Они всегда оставались рядом, на краю слуха, порой сопровождаемые запахами, похожими на аромат теплой крови или вонь прокисшего молока. Смерд оказывался настолько сильным, что застревал в глотке.

На мгновение Малогарсту представился он сам, объятый яростью.

Разве это не славно?

Советник увидел себя, обнаженного до пояса, с руками, обгаренными чужой кровью.

Разве это не грандиозно?

Он увидел, как выхватывает болт-пистолет и приставляет оружие к глазной линзе одного из юстаэринцев во Дворе Луперкаля.

Прими меня в себе, именуемый Кривым. Стань подобным Тормагеддону. Познай истинное могущество. Ты создал его, ты видел силу луперков, как никто иной. Забери её себе.

Отбросив нежеланное видение, Малогарст понял, что смотрит прямо в глаза матросу-артиллеристу. Лицо смертного над высоким броневоротником оказалось нездорово бледным, а белки – водянисто-розовыми. Под глазами обнаружились чёрные круги, а святой октет, вытатуированный на щеке, полиловел и вздулся, словно шрам.

В воздухе витали перемены, подпитываемые тёмным величием Гора.

Почему бы и тебе не измениться? — спросил голос.

«Пока нет, — подумал Малогарст. — Пока ещё нет».

Он бы солгал, сказав, что никогда не обдумывал возможность встать на путь луперка. Это сдваивание душ обещало великое могущество, но требуемая цена оказалась слишком велика для легионера.

Советник был кукловодом, а не марионеткой.

Кривой и его свита спустились по широкой спиральной лестнице, изнемогая от адского жара и давящего чувства клаустрофобии. Шахта в её центре простиралась в чёрную бесконечность, как вверх, так и вниз,

плотно обвитая ступенями, будто стальной спиралью ДНК. Горячие ветра доносили из глубин корабля сильные механические вздохи, следующие за бестелесными голосами машин. Послышался крик, разорвавший слабый напев молитвенной песни.

И голоса... К любому звуку здесь цеплялся паразитический шёпот.

Наступила тишина.

В глубине простучали едва слышные шаги бегущих ног. Затем остановились, и зашипел герметичный замок. Потом – ничего, шёпоты умерли, и сохранилось лишь дыхание корабля. Малогарст остался наедине с собственными неверными шагами и хрипом в респираторе, скулением силовой брони, жалующейся на неестественную походку легионера, и ровным лязгом подошв юстаэринцев, идущих следом.

Они добрались до цели. Советник отомкнул дверь ключом-жезлом, и ввысь по шахте унесся металлический стон.

Круглая комната, центр занят рядами труб, многочисленных, словно у церковного органа. Двадцать индивидуальных спальных ячеек, встроенных в стены. Сбоку находится дверь, ведущая к скромным удобствам: столовой и туалетному блоку.

Обитатели комнаты, одетые в перепачканную и рваную светло-серую униформу, ждали гостей и собрались у двери. С некоторых пор Сыны Гора начали украшать доспехи амулетами, и Малогарст всё чаще замечал, как трэллы по-своему следуют примеру хозяев. Кто-то сделал талисман, нацарапав грубый октет на куске металла, и носил его на шее, как медальон; другие рисовали тёмными жидкостями те или иные символы на грязной ткани. Когда-то «*Мстительный дух*» был чистым кораблем, но некоторыми вещами пришлось пожертвовать, когда легион избрал путь, всегда предназначавшийся ему.

Могущество всегда имеет цену, Малогарст понимал это.

Трэллы, стоявшие перед ним, служили курьерами и принадлежали к нижайшим слоям корабельного общества, но их работа была жизненно важной. В круговороте битвы отказывали вокс-системы, терялись инфоструи, от электромагнитных выбросов сгорали когитаторы. Посыльный, несущий сообщение, двигался медленно, но более надежно – достойный запасной вариант. Малая часть курьеров обладала инфоразъемами, через которые им могли загружать данные в хирургически изолированные участки мозга. Таким образом, эти посыльные знали, не осознавая.

С этим делом советник решил разобраться лично, поскольку видел в нем возможность преподать курьерам полезный урок. Да, они занимали скромное положение, но люди, переносящие слово магистра войны, должны знать, что око Гора постоянно взирает на них. Малогарст напомнит сервам, как близки они к Луперкалю, и смертные падут ниц, вновь осознав, какая им выпала честь.

Один из курьеров, весь в синяках и закованный в цепи, стоял на коленях. Друзья-тюремщики опустили на пол рядом с ним, как только легионеры вошли в их тесный мирок. Не встал на колени лишь серв, находившийся ближе всего к Сынам Гора, с яркими и безжалостными глазами, покрасневшими от недосыпания.

Видимо, он был зачинщиком дела, обвинителем. Малогарст спросил себя, о чем думал смертный, обращаясь напрямую к владыкам корабля – привлекая внимание легиона, курьер мог плохо кончить. Такой исход все ещё оставался возможным.

Человек с безжалостными глазами опустил взгляд и молча указал на пленника.

— Ты отвергаешь магистра войны, — сказал тому Кривой.

Пленник не поднял голову, но заговорил в ответ.

— Не отвергаю, а *прошу* его. Нам не хватает воды. Мы умираем.

На плечах смертного оказались знаки различия нижестоящего крепостного офицера. Вокруг, должно быть, стояли его подчиненные.

Малогарст понимал, в чем дело: флот наступал без единой передышки, непоколебимо держа Терру в прицеле. Не было времени на ремонт и пополнение припасов, многие части «*Мстительного духа*» лишились самого необходимого. Начальник курьеров пытался облегчить страдания своих людей – возможно, вчера он ждал в вестибюле Двора Луперкаля, когда Кривой объявил об окончании приёма. Сервы, запаниковав, отдали себя на милость легиона, готовые скорее медленно умереть от жажды, чем вызвать гнев своих повелителей. Тем хуже для офицера.

Советник улыбнулся под респиратором. Истинное могущество зиждилось на страхе, и прямое подтверждение этому было прямо перед ним, такое же неоспоримое, как лживость Императора. Если бы начальник курьеров попал к Малогарсту, всё могло сложиться иначе, но сервы сделали свой ход, и легионер не собирался давать пощады.

Вытащив священный кинжал, Кривой перерезал им горло офицера, и ярко-багряная струя оросила палубу. Пусть клинок кормится, он давно уже не вкушал крови.

— Ваша просьба услышана, и теперь вас на одного меньше. Остальным достанется больше воды.

Прозвучал замысловатый, извилистый смешок, и советник быстро обернулся к его источнику. С левого края группы курьеров выросло нечто огромное, столп, сотворенный из темного дыма и ощутимой злобы.

Малогарст, произнес он. **Приди. Открой путь.**

У создания не имелось видимых органов чувств, но оно определенно взирало на Кривого – легионеру казалось, что колонна прозревает его насквозь, смотрит прямо в душу. На мгновение из дыма сформировалась рука, и длинный палец провел по щеке стоявшего рядом серва. Тот содрогнулся, но ужас перед Сынами Гора не позволил смертному поднять голову.

Кто-то коснулся локтя советника, и он дернулся от неожиданности.

— Мой господин?

Опустив взгляд, Малогарст увидел, что кровь исчезла с палубы, словно жадно впитанная самим кораблем.

Подчиненные убитого не поднимали глаз от пола. Советник осмотрел углы комнаты, но теневого столпа нигде не оказалось.

— Мой *господин*, — повторил юстаэринец, в тоне которого звучало скрытое недовольство тем, как Малогарст потерял контроль над ситуацией.

— Мы здесь закончили, — пробормотал советник, со щелчком убирая клинок в ножны. Затем он указал

на человека с безжалостными глазами. — Ты. Теперь ты возглавляешь эту группу.

— Слушаюсь, мой господин, — прошептал курьер.

Малогарст ушел, предоставив сервам право решать, как избавиться от тела прежнего командира. Желание оглянуться через левое плечо казалось почти неудержимым, но легионер сдержался.

По изначальному замыслу, космические десантники не должны были спать, как смертные. Сны обычных людей представляли собой неуклюжий способ привести в порядок воспоминания и что-то усвоить. Легионеры, напротив, не нуждались в упорядочивании памяти, поскольку она и так напоминала библиотеку с очень точным каталогом. Соответственно, их сновидения не имели аллегорического содержания, как у смертных, а воспроизводили дневные события. Благодаря этому, овладение новыми умениями шло быстрее, ускоряясь за счет тщательно продуманного обучения во сне.

Но этой ночью Малогарст спал, как обычный человек.

Сын Гора оказался в огненной обители, и пламя опаляло его. Рядом стоял магистр войны в невозможном окружении: колдун в лазурном наряде, пародии на облачение Алого Короля; Фулгрим, за спиной брата, в своем прежнем, неизменившемся теле; несколько вырожденных созданий и тварей варпа, шумно голосащих вокруг, и вернувшийся Эреб, надевший вместо лица маску мрачной злобы. Перед Гором висел голографический шар Терры.

С ними был и сам Кривой – советник видел себя извне, словно наблюдал за сценой из чужих глаз. О, каким старым и сломленным он выглядел, скрывая изуродованное лицо за вечным респиратором! Глаза другого Малогарста сверкали безумием, и поверх доспеха он носил лоскутный плащ из человеческой кожи.

Всё было неправильно, и жарко горящее пламя наступало со всех сторон. Похоже, что только он, Малогарст-наблюдатель, знал об огне, а его двойник – или это был истинный Малогарст, а спящий стал кем-то иным? – совершенно не обращал внимания на жар.

Остальные столь же спокойно продолжали обсуждение. Гор демонстрировал планы захвата Терры, а его подчиненные, помощники и адъютанты высказывали свои мнения, говоря кратко и по существу. В комментариях звучали только детали и разъяснения, никто бы не стал возражать против безупречной стратегии магистра войны.

Никто бы и не смог.

Гор посмотрел прямо на Малогарста-наблюдателя; величественный лик примарха сиял неудержимым интеллектом и грандиозным могуществом варпа.

— Малогарст! Вот и ты присоединился к нам, — повелитель обращался к легионеру так, словно присутствие двух копий советника в одной комнате было совершенно нормальным явлением.

— Мой господин... — произнес Кривой, барахтаясь в болоте сомнений. Сон. Он изо всех сил ухватился за эту уверенность. — Прошу прощения.

Доппельгангер, стуча зубами, произнес идиотскую тарабарщину на забытом языке, его покрасневшие глаза закатились, а из-под респиратора потекла чёрная жидкость.

За плечом Гора возвышалось нечто.

Оно не походило на дымную колонну, но Малогарст знал, что именно это создание явилось ему в казарме курьеров. Длинные, многосуставные пальцы гладили мех на плаще Гора, и существо мурлыкало колыбельную, которую пели над кроватками мертвых детей. Советник отступил на шаг.

Магистр войны смотрел прямо на него, и тяжесть этого оказалась невыносимой.

— Что-то не так, Мал?

— Мой господин, я...

Создание взирало на Кривого – маслянисто-чёрная тварь с жидким телом, сгустившимся из дыма. Легионера изучали сотни неморгающих глаз, смотревших с вытянутой лошадиной морды, а бесчисленные лапы, рожденные кошмарами насекомых, неустанно терлись друг о друга.

Гор положил руку на плечо Малогарста.

— Такое поведение не к лицу моему советнику.

— Нет, господин.

— Война берет свое с каждого из нас, Мал, — произнес примарх с неопределенным выражением лица. За непроницаемыми глазами ярко полыхала сверхъестественная сила, овладевшая магистром войны.

— Возможно, тебе стоит отдохнуть, — добавил он, взглянув на посох Кривого.

— Я в порядке, мой господин, — ответил Малогарст и выпрямился, бросая вызов увечьям. Взгляд советника по-прежнему метался между лицом Гора и ужасом варпа, стоявшим у него за спиной. Почему Луперкаль не видел демона? В этот момент кто-то вложил в разум легионера образ жирного логистика, с ужасом поглядывающего на юстаэринца, и у Малогарста перехватило дыхание от внезапного вторжения.

— А я говорю – не в порядке. Уходи, советник, отправляйся к аптекариям, пусть тебя осмотрят. Потом вернись в свои покои и отдыхай.

— Мой господин, я способен исполнять свой долг, — запротестовал Малогарст. — Разве я когда-нибудь подводил вас?

Гор сжал плечо легионера, и лезвия силового когтя слегка проскрежетали по доспеху.

— Никогда, друг мой. Но ведь всё работает безотказно лишь до первого сбоя. Приближается твой черед.

— Мой господин...

— Делай, что велено! — повысил голос примарх, и изменившееся выражение его лица позволило Малогарсту на мгновение увидеть то, что таилось в глазах магистра войны. Советник отшатнулся, едва не упав.

Демон шелково засмеялся и любяще обнял Гора за шею длинными чёрными руками.

Взгляд Кривого метался по лицам присутствующих, встречая лишь безразличие и, время от времени, ненависть. Малогарст отступал перед ними.

А затем он побежал, хотя тело позволяло советнику двигаться лишь позорным, смешным галопом. Скуление силовой брони, пытавшейся уловить и усилить его движения, звучало издевательским хохотом.

Легионер пришел в себя, оказавшись в коридоре, до которого никак не мог добраться из Двора Луперкаля. В металле, бурлившем, словно кипящая вода, появлялись кричащие лица. Коридор содрогнулся, полностью утратив форму, изломанные ноги Малогарста подогнулись, и он рухнул – но не на пол, ведь палуба исчезла под ним. Советник несся сквозь ад неестественных цветов, а внизу, на поверхности беспокойного океана, клубки чёрных нитей свивались в маслянистую накипь.

Из неё выросла демон, всасывая в себя темноту. Пятно подпитывали тысячи чёрных жил, тянущихся по варпу, поэтому оно уменьшилось совсем ненамного.

Когда чудовище впитало остатки мрака, оно уже выросло до размеров титана. Каким-то образом демон вдруг оказался прямо под Кривым.

Приди ко мне, Малогарст! Стань моим... Сделай нас единым целым...

И легионер беспомощно влетел в раззявленную пасть.

А потом вскочил на своем скромном ложе, сев прямо и на мгновение забыв об увечьях. Из-за резкого движения по нервам пронеслась режущая боль, сорвавшись с губ грубым и хриплым стоном. На коже выступил пот; в тусклом свете люмена дверного замка советник едва различал очертания своих мышц и шрамов. Взглянув на руку, Малогарст увидел вместо неё маслянистую конечность демона. Отдернувшись и заморгав, он посмотрел вновь, на сей раз обнаружив обычную ладонь космодесантника.

Среди тысяч вещей, слепо собранных на борту «Мстительного духа» в качестве военных трофеев, обнаружилось несколько артефактов истинной веры – в том числе, объекты, обладавшие определенной силой. Кривой как раз тянулся за одним из них.

Металл оказался холодным и жирным на ощупь. Сжав вещицу в руке, Малогарст поднес её к глазам: маленькую горгулью, взятую на одичавшем человеческом мире. Его выродившиеся обитатели так прочно позабыли все технологии, что не могли изготовить из свинца даже эту уродливую штуковину, поэтому её происхождение осталось неизвестным. Как бы то ни было, горгулья оказалась эффективным оберегом от демонов, и сейчас советник сдвинул вверх пластинки век, скрывающих её глаза из цветного стекла.

Они пылали тревожным красным огнем.

— Нерожденные, — прошипел Малогарст.

В комнате сгустился поганый удушливый смрад, и с кривых губ советника потекла слюна.

Задыхаясь, он вдохнул воздух, не пахнувший ничем, кроме теплого металла и химикатов систем рециркуляции.

Логово Ракшеля располагалось глубоко в недрах «Мстительного духа», неподалеку от великого транзитного каньона, проходящего по всей длине корабля. Здесь размещались трэллы, и многие из

помещений давно пустовали – Малогарст проходил мимо пустых общежитий и трапезных, заваленных разбросанными оловянными тарелками, на которых гнило что-то органическое. Сервы больше не жили здесь, война опустошила эти залы – список смертного экипажа флагмана включал десятки тысяч имен, слуги легиона сновали по коридорам-артериям, многочисленные, будто кровавые тельца. И, словно кровь из раны, они фонтаном уносились в пустоту из пробоин в корпусе.

Здесь, глубоко под командной палубой, шёпоты звучали намного отчетливее. Путник на мгновение замечал боковым зрением мелькающие очертания *чего-то*. От тёмных мест стоило держаться подальше даже таким сильным созданиям, как Малогарст.

Но сегодня у него не было выбора.

Вентиляционные потоки приносили странные запахи: одновременно сладкие и фекальные, слишком сильные, чтобы оказаться реальными, и слишком реальные, чтобы махнуть на них рукой. Повсюду вокруг советника бросались в глаза повреждения, полученные «Мстительным духом» в бесконечных битвах. Целые секции были плотно закрыты, переборочные двери заварены. Палубное покрытие вздымалось буграми, на смятых стенах оставались засохшие потеки от рек сгустившегося герметика, напоминавшие окаменевшую лаву из вулканических разломов. Искусственная гравитация и освещение на этом участке были величинами непостоянными.

Кривой добрался до полости, оставленной в борту корабля попаданием из «Новы». Брешь перекрывали ровные металлические листы, каждый размером с крепостные ворота. Над пробоиной висел покачивающийся мостик, подвешенный на канатах, закрепленных где-то вверху, в мешанине расколотых труб и пустотного льда. Вектор искусственной гравитации изменялся, принимая то одно, то другое направление. Обхватив поручень мостика, Малогарст потащился к двери на противоположной стороне; полость под ногами советника мерцала предупредительными огнями, а огромные сервиторы растаскивали целые тонны искореженных, спаявшихся обломков. Сияли дуги электросварки, из-под которых сыпались дожди жёлтых искр, но без стоянки в сухом доке такую брешь нельзя было залатать, только сдерживать от расширения. На бортах «Мстительного духа» имелось ещё много подобных ран.

Миновав истерзанную секцию, легионер оказался в коридоре – как ни странно, почти неповрежденном. Там ему встретились многочисленные, вооруженные и одоспешенные сервы-ремонтники, направлявшиеся к своему рабочему участку. Слугами легиона командовала триада механикумов с красными аугментическими глазами, мигающими под черными капюшонами; замыкающий техножрец вел за собой «Таллакса», скованного цепями, на звеньях которых мерцали сдерживающие руны. На выхлопных трубах машины искрились коронные разряды.

Когда Малогарст проходил мимо, из-под гладкой лицевой пластины автомата раздавалось ворчливое рычание – органические компоненты создания не принадлежали к обыденной реальности.

Несмотря на то, что их сопровождало чудовище Тёмных Механикумов, ремонтники тревожно озирались по сторонам. Бойцы корабельной милиции, сопровождавшие их, со страхом глядели из-под стеклянных визоров.

Они боялись не советника, а того, что скрывалось в тенях.

Давинцы обитали на разрушенных палубах и в опустевших складах боеприпасов. Малогарст учуял запах дикарей за сотню метров до того, как зашел на их территорию – прокисший животный смрад, несомый

вздыхающими корабельными ветерками; вонь мочи, дерьма, готовки и дыма, сопровождающая любой примитивный человеческий лагерь с начала времен.

Следуя примеру предков, давинцы время от времени мигрировали по кораблю. Нынешней обителью вырожденцев оказался широкий бункер, совершенно опустевший, как и многие другие. После того, как война забирала со складов всё содержимое, они привлекали новых жителей, которые редко оказывались безобидными.

Советник вошел в раскрытые взрывозащитные двери. Внутри горели костры, разоженные прямо на палубе, давинцы сидели на корточках вокруг огней. Жили они в шалашах, сложенных из кусков металлолома, или просто под тканевыми навесами. На Давине существовали целые города аккуратных глинобитных хижин, но Первобытную Истину принесли на корабль равнинные племена, и поэтому Малогарст сейчас оказался посреди сборища кочевников, ставших лагерем в металлической «пещере».

Улучшенные глаза легионера быстро приспособились к полумраку. Он насчитал тридцать одного давинца, остатки группы, явившейся на борт по приглашению Эреба. Когда их благодетеля изгнали, число дикарей уменьшилось, но те, что не покинули лагерь, как будто не были подвержены воздействию изменений, охвативших «Мстительный дух». На лицах и телах дикарей едва удавалось разглядеть следы голода, терзавшего чернорабочих; давинцы вели себя так, словно корабль подстраивался под них.

Кочевники не обращали внимания на Малогарста, молча глядя в огонь, словно охотники каменного века Старой Земли, окруженные ночью, полной чудовищ. Советник направился к самому крупному тенту, ожидая найти внутри Ракшеля, – и не ошибся.

Посланник, к которому прижималась свернувшаяся калачиком плоскогрудая давинка, спал на куче драных подушек. Ракшель всегда выглядел растрепанным, но, судя по нынешнему виду дикаря, для приёмов во Дворе Луперкаля он ещё как-то прихорашивался.

Кривой потыкал посохом в импровизированную постель, и даvineц открыл сначала один глаз, потом другой. В полумраке его зрачки оказались даже больше обычных.

— Ты пришёл, — произнес Ракшель.

— А ты ждал меня? — спросил Малогарст без всякого удивления. За последние годы легионер разучился удивляться.

— Самый никчемный из нас может учуять варп-порчу на тебе. Да, я ждал.

Посланник сел, разбудив женщину. Та улыбнулась Ракшелю, но вождь дикарей кивнул на космодесантика у постели, и с давинки мгновенно слетела сонливость. Вскочив, она завернулась в грязное одеяло и убежала прочь.

Малогарст посмотрел ей вслед.

— Хорошо ты тут устроился...

Пожав плечами, Ракшель тут же экстравагантно потянулся и зевнул.

— Я знавал тяжелые времена, а это место не хуже любого иного. Условия здесь лучше, чем те, в которых живут большинство твоих слуг, именуемый Кривым. Боги не жадничают, награждая истинно верных последователей.

Советник усмехнулся, но респиратор издал лающий звук.

— Да уж, отличная награда.

— Нерожденный охотится на тебя, а не на меня, — посланник уперся волосатыми руками в колени. — Я в безопасности, а ты - нет.

— Я мог бы возразить, — ответил Малогарст, — но не стану. Ты прав, я вижу во сне демона, рожденного из маслянистого дыма, слышу его голос, когда просыпаюсь.

— Значит, он близок. Лучше примиришься с охотником, тогда твои мучения в следующей жизни, возможно, будут не такими ужасными.

— Это меня не устраивает.

— Нет? — Ракшель наслаждался происходящим, даже не скрывая этого.

— Ты часто рассказывал мне о твоей власти над варпом, и настало время перейти от слов к делу. Ты избавишь меня от нерожденного.

Посланник задумчиво поджал губы.

— Хорошо, будут тебе дела, но не мои.

Малогарст вопросительно наклонился к давинцу, опершись на посох.

— Здесь нужен кое-кто могущественнее меня, — объяснил Ракшель. — Я покажу тебе, где найти Цефу, который был послушником Акшуб и остается величайшим среди живущих жрецов.

Не стыдясь наготы, кочевник слез с постели, и, подняв край тента, указал на костер, разведенный поодаль от прочих.

— Отыщешь его там.

— А ты не проводишь меня?

Широко улыбнувшись советнику, Ракшель покачал головой и опустил за ним навес.

Пока Малогарст пробирался среди груд хлама и ящиков, приспособленных в качестве мебели, давинцы не обращали на него никакого внимания, неотрывно следя за танцующими языками пламени - что бы ни открывалось им в огне.

У самого дальнего костерка сидел грязный, почти обнаженный, но совершенно обычный с виду мальчик. С головы до ног его покрывали тайные знаки, вырезанные во плоти, волосы росли отдельными пучками.

Истинную природу жреца выдали кроваво-красные глаза и хриплый голос.

— Именуемый Кривым явился просить о помощи. Я польщен.

— Цефа? Послушник Акшуб?

— Я - это он, — ответил мальчик.

— Ты не даvineц.

— Давинец, терранец, хтониец... Какая разница? Все души равны в глазах богов. Я принял их истину и обрел бессмертие - ухожу, и затем возвращаюсь. Раньше был давинцем, а сейчас стал хтонийцем. Тебе нравится мой нынешний сосуд? — жрец поднял руки, покрытые язвами, и улыбнулся, демонстрируя кровоточащие десны.

— Тебя вернули обратно?

— Если хочешь, называй это так, — произнес одержимый мальчик, глядя в костер и вороша угли человеческой бедренной костью, вершину которой облизывали синие язычки пламени. Под кожей создания шевелились образы, повторяющие пляску огней. — Ты думаешь о своих *призванных*, но я не такой, как луперки. Я - один, сам по себе.

Вокруг остальных костров молча сидели на корточках давинцы.

— Где твоя госпожа? — спросил Малогарст, оглядев их.

— Ушла.

— Призови её, мне надо поговорить с ней.

— Ты не сможешь - её больше нет. Акшуб поглотили, Эреб уничтожил её. Если хочешь помощи, проси меня.

— Меня преследуют, — сказал советник.

— Нерожденные цепляются к тем, в ком видят потенциал. Ты талантлив, но необучен, и твой господин наделяет тебя слишком великим могуществом. Выходит, что ты не можешь справиться со своей силой. Создав луперков, ты подвергся опасности - существо, что выслеживает тебя, учуяло дорогу в твой разум. Оно пройдет по ней, и это уничтожит тебя.

— Ты pomoжешь мне, — утвердительно произнес Кривой.

Мальчик резко поднял голову, изогнув шею под неестественным углом.

— Помогу? А что великий Малогарст сделает для меня? Ты - слуга избранного, но даже такой человек не вправе чего-то *требовать* от Цефы.

Легионер воззрился на жреца сверху вниз.

— Если ты откажешься, то заплатишься жизнью.

В ответ мальчик сипло ухмыльнулся.

— А если так, то и что с того? Разве ты пропустил мои слова мимо ушей, гордый воин? Тебе не убить меня.

Сжав посох в латной перчатке, Малогарст потянулся к кинжалу.

— Святой нож, — взглянув на клинок, произнес жрец. — Ты узнал многое, но недостаточно.

— Ты pomoжешь мне, — прохрипел советник, — или я проверю твое бессмертие на прочность.

— Но ведь я не умру, а ты не получишь помощи. Как грустно закончится жизнь, полная стольких возможностей - провалившимся экспериментом... Все мы только зря потратим время.

— Тогда назови свою цену.

Отложив бедренную кость, Цефа сунул в огонь обнаженную руку. От обугливающейся плоти начали подниматься завитки жирного дыма, но жрец всего лишь внимательно следил за происходящим, не выказывая беспокойства.

— Мы получим то, о чем просили всё последние месяцы - доступ к магистру войны.

— Почему я должен предоставить его?

— Потому что иначе ты умрешь.

— Я - расходный материал, — ответил Кривой, — пешка на доске. Приведи более основательный аргумент, чем заботу о моей судьбе.

— Что ж, тогда ты знаешь, что тебя ждет - вечные муки. Это достаточно основательно? Ты споришь неискренне, — добавил жрец, — ведь, если бы тебя не волновала собственная судьба, ты не пришел бы сюда.

— Я не говорил, что не волнуюсь. Отвечай на вопрос.

Встав на ноги, мальчик поднял кроваво-красные глаза. Малогарст не разбирался в возрасте неулучшенных людей; пожалуй, «сосуд» Цефы ещё не стал подростком, но был близок к этому. Возможно, чуть младше мальчишек, становящихся рекрутами легиона? Голова ребенка доставала только до пояса космодекантика.

— Мы - народ единственной истинной веры, — объявил жрец. — Это мы открыли магистру войны глаза на ложь Императора. Как глупо, должно быть, ты почувствовал себя, увидев то же самое... Ложь была очевидной, истина лежала прямо перед вами, всё вокруг указывало на Его фальшь - но вы закрывали глаза, цепляясь за кредо столь же догматичное, что и религии, сокрушенные вами. Сколько раз вы сталкивались с правдой? А теперь, став новообращенными, ты и твои братья пылаете истовой верой людей, которым открыли глаза. Но мы служим богам с давних времен и можем научить вас много большему.

— Я слышал эти посулы и раньше, в особенности от змея-Эреба. Ты ищешь влияния и могущества, которые связаны с доступом к Гору Луперкалю. Этого я позволить не могу - война ведется не ради возвышения культов Давина.

Мальчик пожал плечами.

— Тогда ты умрешь, и будешь вечно гореть, а мы всё равно получим свое.

По обугленной конечности Цефы пробежала дрожь, и плоть вновь стала бледной и нетронутой, не считая мокнувших ритуальных порезов на коже. Подняв руку, жрец улыбнулся окровавленным ртом.

Малогарст молчал, а из окружающей темноты доносилось странно умиротворенное бормотание давинцев. Здесь, в этой металлической пещере, легко было забыть, где ты находишься. Шёпоты исчезли, ощущение нависших над головой миллионов тонн *«Мстительного духа»* отступило.

— Что я должен сделать? — в конце концов спросил легионер.

Мальчик ухмыльнулся, молча празднуя победу.

— Реализовать свой потенциал. Есть ритуал, который возможно исполнить: он оборонит твою душу от посягательств нерожденного. Твое собственное могущество возрастет – думаю, это честная сделка.

— Когда?

— Поскорее, или тебе конец. Сегодня?

— Пусть так, — хмыкнул Малогарст.

— Значит, в полночь по корабельному времени. Есть одно подходящее место...

Его расположение ворвалось в разум легионера.

Погрузочное углубление, причальная зона лихтеров снабжения, в нескольких сотнях метров от текущей позиции.

— Я буду там.

— Знаю, что будешь, — отозвался Цефа.

Стоя в круге, тщательно выведенном кровью и костяной мукой, Малогарст завершал собственный ритуал. Советник восемь раз поклонился огромному святому октету на стене, держа в руке болтерную гильзу на цепочке. В цилиндрике, запечатанном чёрным воском, хранилась собственная кровь легионера. Кривой пробормотал слова, которые ему передал сам Гор, и гильза испустила поток странного излучения, не принадлежащего материальной реальности, а когда Малогарст открыл глаза, то вещь исчезла. Изуродованное лицо воина попыталось, как смогло, изобразить улыбку.

В круге царил абсолютная тишина: ни шумы корабля, ни шёпот демонов не беспокоили советника. О том, что он находится на звездолёте, напоминала лишь слабая дрожь палубного покрытия.

Открылась дверь, нарушив концентрацию легионера. Задрожали язычки пламени на чёрных свечах.

— Аксиманд, кто тебя впустил? — спросил советник.

— Я из Морниваля, Мал, и могу идти куда захочу. Где ты был? Луперкаль хочет тебя видеть.

— Не могу – как видишь, у меня неотложные дела.

Маленький Гор неравномерно поднял брови на перекошенном лице, которое в определенные моменты выглядело просто гротескным. Воин некогда был живым отражением своего генетического отца; казалось, что увечье разрушит их сходство, но вместо этого Аксиманд стал *ещё более* напоминать примарха. Он превратился в карикатуру на полубога.

Теперь оба легионера были кривыми, каждый по-своему.

— Ты отвергаешь призыв Гора? — переспросил морнивалец. — Дерзко. Или в твоём запутанном разуме творится нечто иное?

— С чего ты взял? — набросился на него Малогарст.

Аксиманд скорчил немного удивленную гримасу.

- Наверное, ошибся – услышал, как ты что-то мямлишь богам. Ты становишься таким же двинутым, как весь лоргаровский Семнадцатый.
- Ты же видел силы, которыми теперь подчинены мне.
- Верно. Луперки – впечатляющее зрелище, Мал, но доходить до такого... — морнивалец с абсолютным безразличием оглядел приспособления для ритуала. — Мы ведь воины, а не жрецы.
- А я и не жрец, Маленький Гор. Луперки – это оружие, и вот ещё одно, — советник поднял невидимую гильзу.
- У тебя в руке ничего нет, — нахмурился Аксиманд.
- Есть. Я тоже не вижу артефакт, но знаю, что он там. Силы варпа действуют намного эффективнее любого маскирующего устройства, и ты мог бы овладеть подобным могуществом, если бы не был столь зашоренным.
- Мал, может, я и зашоренный, но не настолько *тупой*, чтобы нарушать прямой приказ Гора.
- Скажи, что я предстану перед ним позже, — Кривой схватил посох.
- Нет уж. Скажи ему сам.
- Аксиманд, я занят, Луперкаль поймет.
- По-моему, это немного самонадеянно, даже для тебя.
- Наш господин в курсе всего, что происходит на этом корабле, Маленький Гор. Он поймет, — взяв трубку пневмопочты, внутри которой лежала туго свернутая полоса пергамента, Малогарст опустил туда же болтерную гильзу. Затем советник закрутил крышку, закрыл гено-замок и протянул послание морнивальцу. — Передай мои распоряжения сержанту Грыбену из 43-й.
- Я тебе не мальчик на побегушках.
- Выполняй приказ, капитан, — произнес Кривой. — И это не просьба. Скажи сержанту, чтобы он аккуратно открыл трубку, вытянул объект за цепочку и повесил на шею.
- Я не вижу там ничего подобного, — возразил Аксиманд.
- В этом-то и дело. Грыбен тоже не увидит артефакт, поэтому настоятельно посоветуй сержанту не потерять его...
- Протянув руку, Маленький Гор взял послание.
- И что ты туда засунул? — морнивалец повертел в руках трубку, на которой не было никаких обозначений.
- Своего рода страховку. Не беспокойся об этом, просто доставь сообщение, и немедленно. Никому не говори о нем.
- Что ты задумал, Мал? — пробормотал Аксиманд, сгоравший от любопытства.
- Увидишь. А может, и нет, это совершенно неважно. Имеет значение лишь то, преуспею ли я.

Малогарст вышел из круга, и несмолкаемое ворчание «Мстительного духа» снова зарокотало в ушах воина. Вместе с ним вернулись и шёпоты.

На нижних палубах они уже изменились, став множеством нечестивых голосов, произносящих неоспоримо четкие слова. Однако же, среди них не было того, который пытался услышать советник. Каждый новый голос заставлял его помедлить – знать, где сейчас твой враг, было куда лучше, чем не знать.

По дороге Кривому попала горсточка трэллов и сервов-чернорабочих. Смертные искоса поглядывали на него, удивляясь, почему легионер так часто появляется в подобном месте. Со временем становилось всё легче отличать верных слуг от потенциальных предателей, поскольку все носили метки преданности старым богам, и совсем немало оказывалось тех, кто выдавал своим поведением страх перед шёпотами. Истинно верующие волновались, но одновременно радовались происходящему, и только сервиторы как будто ни на что не обращали внимания, беспечно, как всегда, топя куда-то по своим делам.

То, верны сервы делу магистра войны или нет, мало что значило, пока они продолжали трудиться. Рабочие были ресурсом, и никто ведь не интересовался мнением, например, болт-зарядов.

Малогарст свернул в редко используемый проход. Часть люменов на потолке перегорела, остальные мерцали с частотой, раздражающей глаза. Голоса здесь безупречно вливались в гроыхания и постукивания живого звездного корабля, «Мстительный дух» определенно что-то говорил.

С шипением поднялась переборка, за которой стало холоднее. Впереди лежала последовательность из семи небольших причалов для челночных судов, соединенная короткими участками коридора. Убранные подвижные задние стены ангаров, можно было увидеть проход к большим погрузочным воротам, которые перекрывали пути подвоза материалов, уходящие вглубь корабля. Сейчас все они были закрыты. По периметру отсеков шли продольные мостки, предназначенные для обслуживания подъемных кранов, перемещавшихся на рельсах вдоль помещений. В остальном причалы ничем не выделялись и выглядели совершенно утилитарными.

По пути к цели советник миновал четыре заброшенных ангара, лишь в одном из которых нашелся корабль. Длинные пусковые трубы двух отсеков оказались поврежденными; вентиляционные ветерки развевали полосы пластика, перемазанные в пыли и потрепанные от интенсивного использования.

Открыв дверь на пятый причал, Малогарст услышал песнопения и грубую музыку. Задняя стена ангара была опущена, и отсек заполнили давинцы.

«Почти все собрались, — подумал легионер. — Хорошо».

Грубую шерсть, растущую на телах дикарей, покрывали многочисленные символы, нанесенные кровью. Культисты замерли посередине какого-то танца, словно изображая жутковатую немую сцену, и глаза всех присутствующих обратились на космодесантника.

Подошел Ракшель, и улучшенное обоняние Малогарста уловило сладкие химические следы наркотиков в дыхании и поту давинца.

— Так ты пришел, благородный воин.

— Почему бы и нет?

Посланник пожал плечами.

— Ты не снял доспех.

— Я всегда ношу его. Не могу нормально передвигаться без брони.

— Неважно, — отозвался Ракшель, — мы должны снять её.

На стене обнаружился неровный октет со стрелами, выполненными из листовой латуни, платины с извилистой гравировкой из зеленой меди и тусклого железа. Со знака свисали прочные цепи и кандалы.

— Меня необязательно приковывать, — заметил Малогарст.

— О, очень даже обязательно, — возразил посланник.

— Я не позволю заковать себя.

— Твой род не знает страха, так что же пугает тебя? Или ты окажешься в цепях, или оставишь нас.

Кривой издал глубокий грудной звук.

— Что ж, ладно.

Ракшель жестом подозвал сородичей, державших в руках необходимые инструменты, и давинцы кое-как стащили с Малогарста доспехи. Когда с легионера сняли респиратор, он хрипло, шипяще вздохнул – без маски Кривой дышал с затруднениями.

Поддерживая огромного воина, полулюди подвели его к октету.

Малогарст. Приди ко мне.

Все присутствующие услышали эти слова, и дикари подняли головы.

— Нужно действовать быстрее, — объявил посланник. — Нерожденный уже здесь!

Давинцы торопливо защелкнули кандалы, и, убедившись, что советник закован, отступили и вперились в него взглядами. Легионер неуверенно подергал цепи.

Взревели предупредительные сирены, загорелся поворотный сигнал над левой погрузочной дверью, и пластальной прямоугольник, выкрашенный в чёрно-желтые полосы, открылся, впуская в ангар наружную тьму.

Вошел Цефа, вновь-рожденный шаман; тело мальчика, в котором он пребывал ныне, поблескивало, словно покрытое известью. Сквозь белизну просвечивали кровавые линии порезов и нечеловеческие, ярко-багровые глаза. Жрец, одетый только в набедренную повязку, держал в руке стеклянисто-чёрный нож, испускавший струйки тёмного дыма.

— Ты пришел, глупец, — злорадно произнес Цефа. — Кривой, как именуют тебя Сыны Гора, — искаженный для них, но не для меня. Раса гигантов, выведенных для войны, и ты, неизысканный клинок.

Остановившись перед Малогарстом, мальчик быстро взмахнул ножом, оставив порез на покрытом шрамами торсе космодесантника. Советник едва сдержал вскрик: рана пылала холодом пустоты.

— Гор стал богом. Каждое око эмпиреев следит за его возвышением, и кровь создания, столь высоко

ценимого магистром войны, окажется достойным даром.

— Он убьет вас всех! — прорычал Малогарст, натягивая цепи во внезапном приступе бессильной ярости.

Ракшель улыбнулся, оставаясь за спиной Цефы.

— Нет. Ты сам назвал себя пешкой. Это верно для всех нас, и любое могущество, обретенное нами, требует чего-то взамен. Эреб знал об этом, но ты не слушал его, и настало время расплачиваться за твои жалкие заклинания и созданных тобою луперков. Пришел твой последний час. Гор нуждается в сильной руке, которая будет направлять его, и мы возьмем это на себя.

Улыбаясь окровавленным ртом, мальчик завел низкое, грудное песнопение. Температура резко упала, и давинцы вновь начали свой омерзительный танец. Ритм им задавал медленный грохот барабанов, непрерывно и плавно ускоряющийся.

Цефа водил ножом перед Малогарстом, резко опуская клинок в унисон со своим песнопением. Изогнув спину, легионер издавал рев после каждого выпада, и паутина холода расплзлась по коже, втекала в кости, сопровождаемая омерзительным шевелением в теле.

— **МАЛОГАРСТ, Я ПРИШЕЛ!** — взревел голос, обретший телесность. Теперь он волновал не только душу, но и воздух.

У плеча мальчика возник чёрный силуэт.

— Прими это достойное подношение, о Квильцак-Икар! Раздвинь завесу, окружающую мир, и войди к нам. Присвой облик и плоть Малогарста Кривого!

Тёмная фигура уплотнилась, превратившись из колонны извивающегося дыма в круговорот светящейся чёрной жидкости. Кратко появлялись намеки на конечности, но тут же исчезали, изгнанные непрерывным вращением. Вытягивались длинные ложноножки, касавшиеся лица космодесантника.

Прикованный легионер начал смеяться. Ракшель потрясённо взглянул на него, а Цефа запнулся на полуслове.

— Мой ход, — объявил Малогарст. — Спасибо за имя демона!

Советник завел песнопение на грубом и древнем языке, сначала едва слышно, затем всё громче и громче. Колдовской наговор Кривого смешивался с барабанным боем давинцев и заклинаниями жреца, угрожая подорвать их изнутри.

— Он знает речь нерожденных! — прошипел Цефа.

Сперва мальчик боролся, повышая голос, но затем заскрежетал зубами. Из глаз жреца потекла кровь.

— Квильцак-Икар! Квильцак-Икар! Квильцак-Икар! — кричал Сын Гора, и древние слова, срываясь с его уст, отбрасывали тянущиеся щупальца проявлявшегося демона.

Нерожденный перенес внимание на Цефу. Теперь шаман угрожающе размахивал ножом вокруг себя, издавая воющие и лающие звуки, которые не могла породить человеческая глотка.

— Заткните его! — заорал Ракшель, указывая на Малогарста.

Давинцы бросились к пленнику – двое обхватили руками голову легионера, но тот яростно задергался и

страхнул дикарей. Третий культист кинулся к советнику, держа шипастый намордник.

На мгновение прервав заклинание, космодесантник повел челюстью и смачно харкнул в лицо получеловека. Завизжав, даvineц отшатнулся, прижимая руки к вытекающим глазам; из-под пальцев заструился кислый дымок, и культист рухнул на пол. Подбежал ещё один дикарь, но Малогарст остановил его взглядом.

— Нет! — завопил посланник.

С кривых губ легионера слетели последние звуки песнопения, и жрец, упав, словно от удара, свернулся на палубе возле маслянистой колонны.

— Возьми его, — произнес Малогарст.

— **Да**, — отозвался демон.

Жидкость рванулась к Цефе, протискиваясь в глаза, рот, уши и нос. Одержимый мальчик забился в конвульсиях с такой силой, что ударился головой о пол, оставив кровавый отпечаток.

А затем украденное тело взорвалось, и куски сырого мяса, парящего в прохладном воздухе ангара, шлепнулись о стены.

Нечто иное заняло место жреца. Нерожденный.

Квильцак-Икар проявил себя, оказавшись нескладным монстром вдвое выше космодесантника. Развернулись многочисленные руки, разжались пальцы с когтями-клинками. Демон встряхнулся, очищаясь от крови, будто пёс, вышедший из реки.

— **Свободен**, — прошипел нерожденный. — **Я свободен, и ты мне не господин.**

— Что ты наделал? — вскричал Ракшель. — Он неуправляем!

— А я и не собирался управлять им, — ответил Малогарст, с презрительной легкостью разрывая звенья цепей. Освободившись, легионер шагнул вперед от октета, и демон зарычал, выбрасывая в сторону Кривого полдюжины лап. Советник произнес имя твари, выплюнул пять слогов, которые больно было произносить, и поднял руки.

Квильцак-Икар замер на месте, издавая яростный рёв.

Дикари, что-то испуганно бормоча, царапались в запертые двери.

Ракшель отступил было назад, но Малогарст, по-прежнему сдерживая демона одной рукой, другой схватил посланника за шею и поднял над палубой.

— Глупо было недооценивать меня, даvineц, — прорычал легионер. — Отделение Грыбена, покажитесь!

Реальность исказилась, и на мостках ангара возникли пятнадцать Сынов Гора с болтерами, направленными на демона и паникующих культистов.

— Ракшель, как ты вообще мог подумать, что этот смехотворная интрига сработает? — поинтересовался Малогарст. — Призвать демона, чтобы он беспокоил меня день и ночь, а затем попытаться завладеть моим телом под видом помощи? Как может смертный вырожденец вроде тебя перехитрить Сына Гора? Твой план основывался на страхе, посланник.

Космодесантник поднес давинца ближе.

— А мы *не знаем* страха.

Получеловек судорожно вздохнул, не в силах ответить.

— Может, я и калека среди моих братьев, но всё равно превосхожу тебя во всем, — добавил Кривой.

Тем временем Квильцак-Икар принялся вопить, изрыгая жуткие угрозы на всех языках, звучавших от начала времен. Скрючив пальцы правой руки, Малогарст сжал кулак, и демон заверещал от мучительной боли. После этого советник снова обратил внимание на Ракшеля.

— Я в последний раз отклоняю твою просьбу об аудиенции у магистра войны. А теперь ты умрешь.

Сын Гора медленно сдавил горло давинца, и тот бешено забился в руке мучителя, отчаянно и беспомощно пиная легионера болтавшимися ногами. Вскоре последний вздох Ракшеля перешел в предсмертные судороги, и Малогарст довольно ухмыльнулся.

— Грыбен, открыть огонь! — скомандовал советник.

Все звуки исчезли, уничтоженные громыханием пятнадцати болтеров, стреляющих одновременно.

Культисты взрывались, их конечности разлетались в стороны, скользя по тронутому инеем металлу. Кровавые ошметки со шлепками осыпали Малогарста и тело посланника, а демон визжал, разъяренный невозможностью поучаствовать в резне.

Затем воины Грыбена перевели огонь на Квильцак-Икара. Нерожденный извивался, пока заряды один за другим исчезали в его теле; разрывы болтов выбрасывали потоки чёрного ихора, смешивающегося с алой кровью на полу. Демона мотало вперед-назад, лапы, отделяемые от тела, падали на палубу и превращались в зловонный дымок.

Не устояв под мощными залпами, тварь рухнула. Слепленное варпом тело Квильцак-Икара выламывалось и извивалось на полу, скользком от замерзшей крови, а половина бойцов отделения Грыбена уже спустились с мостков и наступали на нерожденного, шпигуя его масс-реактивными снарядами и останавливаясь только для смены магазина.

Чудовище пыталось встать, неестественная жизнотворная сила варпа собирала вместе его растерзанное тело, но легионеры снова и снова отстреливали возрождающиеся конечности. Наконец, демон рухнул и уже не поднялся.

— Хватит! — бросив труп Ракшеля на палубу, приказал Малогарст.

Грохот болтерного огня умолк, но его отголоски стихали целую вечность. В помещении не осталось ни единого живого существа, кроме Сынов Гора. Хромая, Кривой подошел к нерожденному и ступней прижал его шею к полу. Под поверхностью чёрной, как ночь, кожи плавали глаза, открываясь в случайных местах на вытянутом лице; из каждой раны вздымались щупальца теней, ищущие себе подобных, чтобы, схватившись друг за друга, стянуть края отверстий. Эти отростки слабели на глазах.

— Я не считаю себя великим чернокнижником, нерожденный, но, на счастье, мой господин готов делиться частичками своих знаний, — Малогарст вытянул руку, в которой сжимал болт-пистолет. — Согласно нескольким чрезвычайно разнообразным источникам, с которыми я ознакомился, в случае, если злой дух будет изгнан из материального мира, то он проведет в мучениях сто лет и один день,

прежде чем сможет вернуться.

Советник загнал болт в камору пистолета и с холодным наслаждением в глазах навел оружие на тварь. В это время Квильцак-Икар уменьшался, теряя в размерах и силе, его тело уносилось струйками дыма. Теперь демон уже был не больше ребенка, только голова осталась прежней, огромной и комично уродливой на крохотном туловище.

— **Заклучим сделку!** — прошипел нечистый. — **Ты обретешь невообразимую власть, тебя станут называть не Кривым, а Могучим! Я могу излечить тебя, сделать целым!**

— Ты что, не видишь? — спросил космодесантник. — Я равно ценю это прозвище и состояние моего тела. И к чему мне поработать тебя, если ты только выиграешь от этого, окажешься рядом с Гором, в чем и состоит твоя цель? В отличие от этих простаков, я не верю обещаниям демонических созданий. Проведи следующие сто лет и один день, думая вот над чем: ты хотел править нами, но выйдет так, что мы будем править тобой.

Заряд из пистолета Малогарста разнес в клочья голову нерожденного, и кругом растеклась лужа чёрной жижи. Сынов Гора обвила вонь ила, поднятого со дна гниlostных рек, а затем смрад исчез.

Для верности легионеры вонзали в трупы давинцев клинки и переворачивали тела жестокими, сокрушительными пинками.

— Все мертвы, мой господин, — доложил Грыбен.

Одобрительно кивнув, хромающий советник направился к своему посоху. Подобрал трость, он заметно увереннее и быстрее направился к погрузочным воротам, выбрав те, через которые вошел Цефа. Так было правильно – даже в мельчайших нюансах таилась сила.

— Отправьте *это* обратно в варп, — приказал Кривой.

Вперед шагнул легионер с огнеметом, а прочие отступили, держа фрагменты доспехов Малогарста. Подождав, пока товарищи выйдут, воин залил ангар пламенем, а затем ретировался и сам. Нажав кнопку, советник закрыл гермодверь.

Позволив огню полыхать в течение минуты, Малогарст открыл створки пусковой трубы, и воздух из отсека улетучился в космос.

Кривой бросил на стол тряпичный узелок. Упав, тот развернулся, и наружу высыпались десятки кинжалов, среди которых не было двух одинаковых. Ножи из оббитого камня, заточенные куски металла и прекрасно откованное старинное оружие.

— Клинки предателей, сир.

— Всё кончено?

— Всё кончено.

Примарх смотрел на кинжалы, и мощь магистра войны, всегда внушавшая благоговейный ужас, окружала его ореолом божественной силы. Сотворенный, чтобы стать примером для всех людей, Гор совершенно вознесся над человечностью и был способен тысячекратно превзойти амбиции Императора.

Несколько долгих секунд Малогарста не отпускала твёрдая уверенность в том, что, если эти двое встретятся вновь, то отец преклонит колени перед сыном и взмолится о прощении.

Ощущение длилось, пока советник был в силах смотреть в лицо примарха. С того момента, как Гор прошел по Фульгуритовому Пути, Малогарст выдерживал недолго. Целые десятилетия он принадлежал к числу немногих, способных общаться с Луперкалем, в некотором роде, почти на равных, но те времена прошли.

— А имя демона? — спросил магистр войны.

— Давинцы называли его Квильцак-Икар - вероятнее всего, одно из *nomina major*, возможно, имя со смыслом. Этого хватило. Узнав имя, я немедленно подчинил духа своей воле; он оказался мелким созданием, совершенно неспособным реализовать задуманные планы влияния на вас.

— С угрозами со стороны нерожденных нужно разбираться так же основательно, как и с теми, что исходят от смертных, и неважно, значительны они или нет, — подняв короткий нож, Гор повертел оружие в руке. — Ты провел ритуал сокрытия...

— Одинаково хорошо работает против смертных и бессмертных, сир.

— А ты быстро учишься.

— Мои способности - ничто по сравнению с вашими, сир.

— Ну, разумеется, Мал, — с улыбкой ответил магистр войны. — Но их вполне достаточно. Пусть имя запишут, сообщат всем моим служителям, общающимся с варпом, и запретят им иметь дело с Квильцак-Икаром.

— Обитатели имматериума научатся уважать вас.

— Белые Шрамы, Сигиллит, Гарвель Локен... а теперь это. Покушения на мою жизнь, предпринимаемые отцовскими лакеями, сами по себе достаточно утомительны, так что я не позволю ещё и нерожденным действовать против меня. Я сам себе господин.

— Да, сир.

Положив нож, Гор взял другой и, оценив его качество, пренебрежительно фыркнул.

— Извини, что тебе пришлось вынести такое унижение, Мал.

Слова застряли в глотке Кривого, и он сумел вытолкнуть их только после второй неудачной попытки. Величие магистра войны парализовало советника.

— Служение вам не может быть унижительным.

— Знал, что ты так ответишь, Мал, но мне не повредит признать, что я ценю твою преданность.

Опершись на посох, Малогарст слегка поклонился. Гордость, всколыхнувшаяся в нём после слов господина, почти сумела одолеть скорбь, вызванную растущей между ними пропастью.

Почти.

— Благодарю вас, сир.

Гор отвлекся от изучения клинка в руке.

— Что-то не так, Мал?

— Всё в порядке, мой господин. С вашего позволения, я вернусь к исполнению своих обязанностей.

— Позволяю, как и всегда.

Болезненно развернувшись, Малогарст вышел из парадных покоев. Утихающий стук посоха о камень эхом разносился по коридору.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кривой_/_Twisted_\(рассказ\)&oldid=20480](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Кривой_/_Twisted_(рассказ)&oldid=20480)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 09:52.